

ВЕХИ

Рое. вестн. - 1993 - 27 марта. С.5.

Без визы в XVI век

Десять лет назад впервые открыл свои двери Театр-студия «У Никитских ворот», руководимый Марком Розовским. Первым его спектаклем стал «Доктор Чехов». Сейчас в репертуаре театра более сорока постановок. Среди них «Летняя ночь. Швеция» об Андрее Тарковском, «Триумфальная площадь» о трагической судьбе Мастера-Мейерхольда, «Майн Кампф. Фарс». Последняя премьера - «Дядя Ваня» А.П.Чехова.

- Марк Григорьевич, в наше вывихнутое время, когда театры шарахаются от авангарда к сюру, от сюра к обзриутам, пристрастие к театру традиционному кажется анахронизмом. У вас в репертуаре имена Карамзина и Толстого, Достоевского и Булгакова. И вновь, как и 10 лет назад, - Антона Чехова. Что побуждает вас вновь и вновь возвращаться к этому драматургу?

- «Дядю Ваню» я считаю вершиной чеховской драматургии. Пьеса эта, несмотря на ее многочисленные постановки, кажется мне до сих пор непрочитанной. Я ни в коей мере не хочу умалять достоинство моих коллег, но время поворачивает для нас каждый раз эту пьесу по-новому. Я считаю ее пророческой.

Произведения классической русской литературы вообще часто оказываются пророческими. Вспомним Достоевского с его «Бесами». Бесовщина, вседозволенность и привели к разгулу насилия, к морям крови в России. Предупреждение Федора Михайловича услышано не было.

Чехов был далек от политики. Еще при жизни его упрекали в объективизме, потом - в изображении жизни в полуимпрессионистических тонах. Но при всем психологизме «Дяди Вани» я воспринимаю сегодня эту пьесу как политическое предупреждение. Попытаюсь объяснить, почему. Чехов написал свою пьесу о людях, которые могли бы жить, любя друг друга, но они стали друг друга ненавидеть и пришли к вражде, к одиночеству, а в итоге - от дьявола к воплю о необходимости Бога. Но разве это не похоже на то, что переживаем сегодня мы? Люди враждуют друг с другом, не могут смирить своих амбиций, льется кровь. Конечно, сегодняшние конфликты выглядят глобальнее. Раздаются выстрелы из автомата Калашникова, и рядом с этим выстрел дяди Вани в Серебрякова, сопровождаемый смехотворным «Бац», кажется наивным, но и тут и там поступками движут одинаковые чувства - злоба и ненависть друг к другу.

Герои Чехова пришли к внутреннему опустошению потому, что оказались безбожниками, потеряли свою душу. Это в конечном итоге и ввергло затем Россию в пучину ужаса. А экологические монологи Астрова? Написанные в конце прошлого века, они звучат как страшный диагноз России сегодняшней.

Чеховское предупреждение остается. Его боль, его раздумья о страданиях людей - они с нами, они - в нас.

- Театр в России всегда занимал особое место и никогда не был только развлечением. Но когда на наши усталые политизированные мозги с утра до ночи обрушиваются сногшибательные сообщения многочисленных газет, радио и телевидения, то, естественно, многим хочется вечером просто посмотреть видеоклипы или сентиментальную историю про «Мою вторую маму». Вы же упорно игнорируете такое желание расслабиться и из года в год ставите произведения классические. Вы не боитесь потерять зрителя?

- Мне кажется, что человек сейчас особенно остро нуждается в духовных опорах, а их в видеоклипах, даже самых замечательных, пожалуй, не найдешь. Классика же потому и классика, что помогает найти ответ на вечные вопросы. Проблемы, стоящие перед человеком в самые разные времена, почти одинаковы. Проблема внутренней свободы, проблема культуры, невозможность реализовать себя в честном деле, одиночество в любви и любовь в одиночестве... После «Дяди Вани» я собираюсь поставить пьесу Байрона «Сарданапал». Казалось бы, какое дело сегодняшнему зрителю до Ассирии времен Сарданапала? Но я нахожу в этой пьесе вещи, глубоко соприкасающиеся с нашей жизнью. Это история человека, которого вынуждали стать тираном, а он предпочел погибнуть вместе со своей возлюбленной, но не окровавиться.

Мне кажется принципиально важным возвращаться к истокам через классику. И зритель к нам идет и очень чутко реагирует и на «Бедную Лизу», и на «Морфий», и на «Анну Каренину».

Конечно, мы не собираемся никого воспитывать или изменить мир искусством. Попытка изменить мир вообще затея бесовская. Надо изменять не мир, а себя. И тогда естественным образом изменится мир. Конечно, это тоже утопия. Но другого пути я не вижу.

Мне кажется, люди сейчас приходят в театр вовсе не для того, чтобы продолжить свое опустошение, а для того, чтобы хватануть здесь глоток свежего воздуха, получить надежду. И мы пытаемся эту надежду дать.

- Мне кажется ваш театр рассчитывает прежде всего на зрителя интеллигентного. А кого вы считаете интеллигентом?

- Интеллигент - это человек, ведущий постоянный духовный поиск, сопрягающий себя с высшим, с божественным.

С детства нам вдалбливали любовь к «рыцарю без страха и упрека» вроде «железного Феликса». «Гвозди бы делали из этих людей» - вот идеал коммунистической морали. Человек не должен был сомневаться, задавать себе вопрос «прав ли я?» Но подлинно верующий интеллигент каждое утро, вставая, должен прежде всего задать себе именно этот вопрос.

Для меня Россия, которую мы потеряли, - это Россия духа. Дух же непобедим. То есть лично мой дух, может быть, и можно победить, но бороться с человеческим духом как таковым - это смехотворная задача. С тем же успехом можно пытаться кулаками разогнать облака. Интеллигент несет в себе неизбежную боль за все страдания человеческие. Поэтому он все перетерпит и выстоит, даже если над ним кто-то будет смеяться. В его слабостях таится могучая сила.

- Марк Григорьевич, а вы человек верующий?

- Я не осмелюсь говорить о себе столь ответственно. Боюсь слукавить. Мне кажется в ответе на этот вопрос нужно проявить максимум осторожности и тихости. В этом смысле для меня опять же примером является Антон Павлович Чехов. Его считали безбожником. В его произведениях мы почти не найдем темы христианства. Но этот «безбожный» писатель совершил самый божественный, фантастический поступок. Он, тяжело больной человек, отправился на Сахалин к катаржанам. А это совсем не то же самое, что поездка на Беломорканал с целью воспеания происходящих там трудовых процессов. Чехов создал свой «Архипелаг ГУЛАГ». Без громких слов он совершил поступок, на который оказались неспособны другие писатели. Клянущиеся именем Господа нашего.

Я занимаюсь театром и, назерное, постоянно что-то преступаю, грешу - кого-то одергиваю, иду на компромиссы. Но очень важно в каждом поступке различать, что он - стремление к истине или грех. Для меня как режиссера само творчество является очистительным. Оно может смыть мои житейские грехи, освободить от мучительного процесса поиска гармонии.

Беседу вела
Елена ВЛАДИМИРОВА.